

4. Михайлов А. С. Социально-психологический климат производственной организации в различных социально-экономических условиях // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 1 (25). – С. 251–256.
5. Теоретико-прикладные аспекты управления персоналом в малом и среднем бизнесе [Текст]: колл. монография / Н. Н. Богдан, О. В. Горшкова, М. Ю. Дикусарова, М. Г. Масилова, Е. А. Могилёвкин, А. С. Новгородов, З. В. Якимова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 240 с.

УДК 343.3/.7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Т. В. Якушева, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России, канд. юрид. наук

В статье проанализированы основные исторические этапы развития уголовного законодательства по противодействию организованной преступности в России. Обращено внимание на системное отставание законодательного регулирования от темпов развития организованных форм проявления преступности.

Ключевые слова: становление организованной преступности, формирование и эффективность норм, трансформация преступных объединений, криминальная субкультура

HISTORICAL EXPERIENCE IN CRIMINAL REGULATION OF THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME

T. V. Yakusheva, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. jurid. Sciences

The article analyzes the main historical stages in the development of criminal legislation on combating organized crime in Russia. Attention is drawn to the systemic lag of legislative regulation from the pace of development of organized forms of manifestation of crime.

Keywords: the formation of organized crime, the formation and effectiveness of norms, the transformation of criminal associations, the criminal subculture

Под организованной преступностью принято понимать негативный социально-правовой феномен, некую специфическую форму криминальной активности, неизбежно возникающую на определенном этапе развития любого общества и олицетворяющую собой наивысшую степень формирования в нем преступности. Особенности детерминант, вызывающих становление организованной преступности и ее дальнейшие эволюционные изменения, всегда обусловлены спецификой экономико-исторического развития конкретного общества и государства. Соответственно, уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью, чтобы быть эффективными, должны разрабатываться исходя из указанной национальной специфики, с учетом положительного зарубежного опыта, приниматься своевременно и не отставать от темпов развития организованной преступности, поскольку в ином случае охраняемые общественные отношения станут чрезмерно уязвимыми и понесут невосполнимые потери.

Представляется, что для понимания современного состояния отечественного уголовно-правового регулирования борьбы с организованной преступностью полезно исследовать обозначенную проблему в ее историческом развитии, проанализировав с соблюдением хронологической последовательности видоизменения, вносимые в правовое поле российским законодателем, и выявив допущенные им возможные упущения.

Исторический период возникновения в России организованной преступности можно назвать лишь с известной долей условности, поскольку в научной доктрине до настоящего времени мнения по этому поводу существенно расходятся: в различных источниках упоминается либо XV – XVII в., либо 60-е или 90-е годы XX в.

Возникновение законодательных норм, предусматривающих ответственность за совместную преступную деятельность, обычно связывается с X в., когда князьями Олегом и Игорем были заключены договоры с греками, включающие нормы о краже, убийстве и прочих преступлениях, совершенных в том числе при помощи иных лиц, что фактически означало зарождение института соучастия в преступлении.

Признаки же соучастия впервые были упомянуты при конструировании отдельных норм уже позднее – в «Русской правде», где использовался термин «скоп» (толпа), а групповое совершение преступления отягощало вину и увеличивало размер наказания.

В Соборном Уложении 1649 г. впервые названы виды соучастников, среди которых выделены исполнитель и организатор. В ст. 12 и 63 Уложения в качестве надлежащих субъектов преступления упомянуты не только отдельные лица, но и их группы, которые законодателем разграничены на главных и второстепенных.

В принятом при Петре I Артикуле воинском 1715 г. законодательное закрепление получил принцип одинаковой (равной) ответственности всех соучастников вне зависимости от содеянного каждым из них, что характерно для акцессорной теории соучастия. Причем перечень соучастников был существенно расширен за счет лиц, имеющих прикосновенность к преступлению.

Разворот к индивидуализации уголовной ответственности произошел с принятием Свода законов 1832 г., которым предписывалось назначать наказание с учетом личной вины каждого из соучастников (ст. 129–130), что уже более характерно для теории самостоятельного участия. При этом законодатель выделял такие виды соучастников, как: сообщники; зачинщики (подговорники); помощники; участники; укрыватели.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. само понятие соучастия в преступлении впервые получило свое юридическое закрепление и более детальную регламентацию. Отныне соучастие подразделялось на две формы – с предварительным сговором (заговор) и без него (скоп) (начиная с 1866 г., в Уложении появилась третья форма соучастия – шайка). Для первой формы соучастия назывались такие виды соучастников, как главные виновники и участники; для второй – сообщники, зачинщики, пособники, подстрекатели, попустители, подговорщики и укрыватели. Кроме того, законодатель выделил непосредственное и опосредованное соучастие и впервые задействовал термин «прикосновенность к преступлению».

Не менее важным стало закрепление в Уложении нормы, криминализовавшей саму организационную преступную деятельность как таковую (речь идет о создании, руководстве и участии в объединении, нацеленном на совершение преступлений). Так, в ст. 922 Уложения предусматривалось наказание за «составление злонамеренных шаек» и вступление в них (без раскрытия понятия «шайка»).

Интересным является наблюдение, сделанное Ю. В. Грачевой, относительно наказуемости организационной деятельности: если создателями, руководителями или участниками преступного объединения совершалось то преступление, ради которого это объединение создавалось, уголовная ответственность наступала только за совершение такого преступления (по верхнему пределу санкции), без дополнительной квалификации за саму деятельность по объединению в преступную группу [3, с. 27]. Данный вывод основан на содержании ст. 927 Уложения: «когда кто-либо из составивших злонамеренную шайку ... или принадлежащих к оной действительно учинит одно из преступлений, для коих

сия шайка ... составлена: то, будет в законах не определено какое-либо особое, именно за совершение такого преступления посредством шайки, наказание, он приговаривается: к высшей мере наказания, за то преступление в законе положенного» [2, с. 464].

Такой правовой подход сохранился и в Уголовном уложении 1903 г., где впервые была установлена ответственность участников сообществ, созданных для совершения особо тяжких преступлений (ст. 52); сообществ и скопищ, посягающих на верховную государственную власть и общественный строй (ст. 121–126); шаек, созданных для разбоев, контрабанды, мошенничеств и некоторых иных преступлений (ст. 279, 564).

Таким образом, в дореволюционном законодательстве России:

– структурно сформировалась система уголовно-правовых норм, посвященных соучастию в преступлении, были выделены организованные формы соучастия;

– совершение преступления в составе группы лиц всегда наказывалось строже, чем совершение преступления одним лицом;

– среди организованных форм преступной деятельности выделялись «шайка» и «заговор», разграничение проводилось преимущественно по объекту посягательства;

– самостоятельной криминализации была подвергнута организационная деятельность, нацеленная на совершение преступлений; ответственность по статьям за организационную деятельность наступала только в случае, если планируемые преступления не были совершены. Если же преступления, ради которых создавалось преступное объединение, все же совершались, то при квалификации действий виновных лиц ответственность за совершенные деяния поглощала ответственность за организационные действия (квалификация по совокупности не допускалась).

После революции 1917 г. советский законодатель вновь занял правовую позицию, тяготеющую к аксессуарной теории соучастия, при которой ответственность соучастника, хоть и не напрямую, но все же связывалась с ответственностью исполнителя.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в ст. 21 раздела V, посвященного соучастию, содержали положения, согласно которым «за деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния» [1]. Руководящие начала указывали на такие формы соучастия, как «банда», «шайка» и «толпа», в качестве общих признаков которых выделялись: число участников (не менее 2 лиц) и совместность; разграничительные критерии никак не обозначались.

УК РСФСР 1922 г. в Особенной части называл (не раскрывая содержания) такие формы преступных объединений, как «группа», «банда» и «организация». Анализ диспозиций соответствующих норм приводит к выводу, что в групповой форме могло быть совершено любое преступление; целью «банды» служили разбойные нападения и ограбления, так называемые налеты на государственные и частные учреждения (ст. 76); определяющим признаком «организации» являлось совершение государственных (контрреволюционных) преступлений (восстание, заговор, мятеж), сопровождающихся, в числе прочего, разрушениями путей сообщения, убийствами и т. п.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР 1958 г. сформулировано близкое к современному понятие соучастия как совместного умышленного участия двух или более лиц в совершении преступления (ст. 17).

Пристальное внимание организованной преступной деятельности (без юридического закрепления ее форм) было уделено законодателем в УК РСФСР 1960 г. Организованная группа признавалась отягчающим наказанием обстоятельством; «антисоветская организация» и «банда» относились к разновидностям «преступной организации»; в Особенной части УК РСФСР 1960 г. использовались также термины «преступная группировка», «предварительно сговорившаяся группа лиц», «групповые действия» и «группа».

Легальное определение понятия «организованная группа» появилось в УК РСФСР лишь в июле 1994 г. С указанного момента следственно-судебная практика могла отграничить такую группу от группы лиц по предварительному сговору с помощью таких оценочных критериев, как устойчивость и наличие предварительного объединения для совершения преступлений.

Таким образом, в уголовном законодательстве России советского периода:

- были законодательно оформлены и уточнены разновидности организованных форм преступной деятельности;
- в уголовном законодательстве получили свое закрепление признаки соучастия, производные от его определения;
- понятие организованной группы впервые было сформулировано на законодательном уровне, хотя ранее на протяжении многих лет указывалось (без раскрытия его содержания) в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Третьим этапом в развитии российского уголовного законодательства по противодействию организованной преступности стал современный этап, начало которого традиционно связывается с принятием УК РФ 1996 г.

На данном этапе важнейшими новеллами стали: модификация главы о соучастии с привнесением в нее нормы о четырех формах соучастия; включение в Особенную часть УК РФ ряда статей, криминализовавших различные виды организационной деятельности, в частности, создание, руководство и участие

в незаконном вооруженном формировании (ст. 208 УК РФ); преступном сообществе (преступной организации) (ст. 210 УК РФ); экстремистском сообществе (ст. 282) и др.

В апреле 2019 г. в уголовное законодательство по инициативе Президента РФ включена ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», которая позволила привлекать к уголовной ответственности за сам факт осуществления лицом, наделенным наивысшим криминальным статусом, координационной деятельности в преступной среде.

При указанных положительных моментах остались не разрешенными многие проблемы, связанные с разграничением различных форм соучастия друг от друга; трудностями привлечения к уголовной ответственности лидеров преступной среды, не совершающих преступления лично; различным толкованием оценочных признаков; чрезмерным использованием законодателем при формулировании уголовно-правовых запретов, связанных с криминализацией различных проявлений организованной преступной деятельности, криминологических терминов и коллоквиализмов.

Представляется, очевидное отставание законодательного регулирования от самого явления организованной преступности, динамично развивающегося и претерпевающего сегодня стремительные трансформации, объясняется идеологически обусловленным «замалчиванием» проблемы организованной преступности в советский период, а также недостаточно продуманными и деструктивными законодательными инициативами современного периода.

Лишь выработка единой концептуальной стратегии уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью (наряду с криминологическими, экономическими, социальными, организационными и иными мерами) позволит правоохранительным органам существенно улучшить результаты такой борьбы, а государству – приблизиться к социально приемлемому уровню организованной преступности.

Список источников

1. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1919. № 66. Ст. 590.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. Н. С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. Спб., 1899. 918 с.
3. Грачева Ю. В. Уголовная ответственность за организационную деятельность: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 23–33.